но вряд ли у него было сколь-нибудь значительное положение. В «Трутне», с одной стороны, упоминается его утренний прием, когда он «допускает к себе искателей его милости, которая всегда состоит в обещаниях», и расспрашивает каждого о последних сплетнях; с другой — весь описанный там же распорядок его дня не оставляет ни минуты для службы, и о ней не сказано ни слова даже мимоходом (Тр. 1769. № 16. С. 104). «Смесь» подчеркивает, что Стозмей — «человек, не очень много значащий» (Л. 22. С. 175), «не важный господин» (Л. 28. С. 224); она тоже не называет ни его должности, ни места службы. «Мать» Перекрасы рассказывает, как в восторге от остроумного замечания своей любовницы Стозмей «ударил в ладони так, как делает на театре» (Смесь. Л. 22. С. 174—175), из чего можно понять, что Стозмей имел отношение к сцене. Актером он явно не был (какие, например, могли быть у актера «искатели милости»?!); не занимал он в театре никакой руководящей должности, ибо «Трутень» (1769. № 16. С. 104) пишет, что он «рассуждает о театральных действиях, удивляется худым распоряжениям и сказывает, как бы он сделал, ежели бы те дела от него зависели». Нет ни единого намека на то, чтобы он был театральным автором или переводчиком. Все его отношение к литературе ограничивается, согласно ведомостям «из Большой Садовой улицы», тем, что он «читает местами русских авторов, прославившихся своими сочинениями, и чтобы и тут показать остроту своего разума, ради того <. . .> их критикует, не думая того, что хула его истинной славы сих авторов повредить не может». Таким образом, Стозмей, по всей видимости, был просто близким к театральным кругам человеком. Не исключена вероятность, что связывала его с этим миром, как одно из звеньев, Перекраса, бывшая, возможно, актрисой.[41]

Уместно в связи с этим вспомнить, что сам издатель «Смеси» был, вероятно, также театрал и в противоположность Стозмею держался положительного взгляда на сценическое мастерство русских актеров и осуществляемые постановки. Это видно из того, что уже в 3-м листе он вставил в переводной «Разговор Леандра с Мизантропом» отзыв о И. А. Дмитревском, назвав его «достойным современником Гаррику и Лекену» (Смесь. Л. 3. С. 23—24). Через месяц была напечатана похвальная рецензия на постановку мольеровского «Мизантропа» с Дмитревским в главной роли;

Тр. 1769. № 8. С. 70). Ранее цитировалось мнение «матери» Перекрасы о состоянии кошелька Стозмея. «Трутень» писал о том, что Стозмей по утру «отказывает своим заимодавцам, занимает вновь» (Тр. 1769. № 16. С. 103—104).

[41] В письме ее «матери» говорится, что она «заводит между своими товарищами разные ссоры за то, что они не переимчивы и ее художеству выучиться не могут». К слову «товарищами» сделано примечание: «Разумеется, в должности, а не в любовном ремесле» (Смесь. Л. 22. С. 174). Какая могла быть должность у женщины того круга, где вращался Стозмей? Очевидно, фрейлина или актриса, но первая была бы слишком, наверное, высока для подобных грубых нападок.